

18+

Виктор Ершов

Я ЗНАЮ, О ЧЕМ ТЫ МОЛЧАЛ

Война — плохая игрушка, сынок

Виктор Ершов

**Я знаю, о чем ты молчал.
Война – плохая игрушка, сынок**

«Издательские решения»

Ершов В. А.

Я знаю, о чем ты молчал. Война – плохая игрушка, сынок /
В. А. Ершов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987685-0

Эта книга повествует о нескольких неделях жизни двадцатичетырехлетнего лейтенанта, командира взвода, пришедшихся на июль 1943 года. Но эта книга — не о войне. Автор попытался написать книгу об отце, прожить вместе с ним эти несколько недель, взглянуть на войну его глазами и понять, почему он стал таким, каким автор его знал. Дополненное и исправленное издание документальной повести, впервые опубликованной в 2014 году.

ISBN 978-5-44-987685-0

© Ершов В. А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	6
ОТ АВТОРА	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Я знаю, о чем ты молчал Война – плохая игрушка, сынок

Виктор Анатольевич Ершов

© Виктор Анатольевич Ершов, 2020

ISBN 978-5-4498-7685-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемый вниманию читателя текст является существенно переработанным и дополненным вариантом документальной повести, впервые опубликованной в 2014 году. Воодушевленный благожелательными отзывами читателей, я решил продолжить работу по уточнению известных и поиску новых фактов о событиях, в которые был вовлечен мой отец в июле 1943 года во время тяжелейших боев на Южном фланге Курской дуги. Несмотря на огромное количество уже имеющейся исторической и художественной литературы на эту тему, мне кажется чрезвычайно важным извлекать из глубин времени все новые и новые имена самых простых людей, солдат и младших офицеров, тех самых «чернорабочих войны», кто, сжав зубы и напрягая все силы, тянул невероятно тяжелую лямку войны. Еще одним побудительным мотивом продолжить работу стало осознание факта, что даже после того, как я закончил работу над повестью, ее герои остались со мной. Они как бы ожили, стали частью моей повседневной жизни. Я часто слышу их требовательные голоса: продолжай! ищи! рассказывай!

Разумеется, я не смог бы ничего сделать, если бы не опирался на прочный фундамент профессиональных исторических исследований и воспоминаний очевидцев. Небольшая часть из них приведена в библиографическом списке. Вместе с тем особо я бы хотел поблагодарить заведующую научно-исследовательским отделом музея боевой славы Третьего ратного поля России в Прохоровке Бородину Светлану Васильевну за доброжелательные и ценные замечания. Это позволило исправить ряд фактических ошибок, допущенных в первом издании, и, без сомнения, помогло более достоверно реконструировать события давно ушедших дней.

Виктор Ершов

Моим сыновьям

ОТ АВТОРА

Удивительно, насколько сильно иногда могут изменяться взгляды, внутренний мир человека в течение его жизни! Иногда кажется, только имя то же, да внешнее сходство сохранилось, а человек – совсем другой...

Мои отношения с отцом складывались непросто. Когда я родился, отцу было сорок два года, так что неудивительно, что между нами всегда была большая дистанция и недопонимание, просто в силу очень большой разницы в возрасте. Но кроме возраста на наших отношениях сказывались особенности наших характеров.

Первый конфликт с отцом врезался в память на всю жизнь, и, как мне кажется теперь, он оказал определяющее влияние на основу моего мужского естества. Мне было тогда лет 6—7, мы с ребятами построили во дворе нашей хрущевки горку, не горку – холм из снега. Зимы в Предуралье всегда были снежные и способствовали воплощению детских архитектурных фантазий. Кто-то предложил игру «Царь горы», условия которой очень просты: тот, кто быстрее заберется наверх и спихнет всех вниз, тот и есть царь горы. Ребята в компании были чуть постарше и мало знакомы мне, так как наша семья совсем недавно переехала сюда из коммуналки. Но я с щенячьим восторгом принял участие в возне, которая закончилась предсказуемо: кто-то из старших ребят неловко двинул меня по носу, а когда я разревелся, вся компания высказалась в том духе, чтобы я шел куда подальше. Размазывая кровь и сопли, с плачем: «Папе скажу!», я бросился домой. Распахнув настежь входную дверь, захлебываясь от слез, я как мог обрисовал ситуацию выскочившим навстречу мне родителям, требуя защиты и поддержки. С трудом поняв, в чем дело, отец сердито сказал: «И что, я теперь всегда буду с тобой ходить? Возвращайся назад и разбирайся сам!» – «Анатолий! – укоризненно сказала мама, просительно глядя на него. Но поймав гневный взгляд отца, засуетилась: – Подожди, я сейчас оденусь...» – «Сиди!» – рявкнул отец и вытолкнул меня за дверь. Мама только растерянно опустила руки. Она лишилась родителей в раннем детстве, выросла в людях, в маленьком поселке спецпоселенцев-лесозаготовителей в уральской тайге. Во время семейных застолий она неизменно присаживалась за самый краешек стола и, лишь чуть пригубив рюмку, тут же бежала на кухню за закусками либо чистыми тарелками. Не в ее характере было перечить отцу.

У меня перехватило дыхание от обиды и жалости к себе, после чего слезы с новой силой хлынули из глаз. Спустившись вниз, я долго стоял, выглядывая на улицу через щель и не решаясь открыть входную дверь. С трудом собравшись с духом, я вышел из подъезда и, еле передвигая ноги, опять поплелся к горке. «Смотри-смотри, отца ведет!» – как-то слишком возбужденно закричали пацаны. Видно было, что они ждали и побаивались дальнейшего развития событий. Увидев, что я один, мальчишки удивленно замолчали и наблюдали за моим приближением. Подойдя к ним, ни на кого не глядя, я забрался наверх и со всей силы толкнул в грудь своего «обидчика». Потеряв по дороге шапку, тот кубарем скатился вниз, слезы выступили у него на глазах: «Ты что?!» – «Я – царь горы! Ну, давай! Давай играть! Сталкивай меня вниз!» – в отчаянии, охваченный чувством, что терять уже нечего, стал кричать я. «Ты что, псих? Ребята, пошли отсюда! Ну его, он псих!» – вся ватага удалилась, с опаской оглядываясь на меня. Надо признать, что после этого случая никогда больше, даже спустя годы, никто во дворе не пытался меня задирать или обижать, даже когда я подростком поздней ночью возвращался домой один мимо подвыпивших бречащих на гитаре ребят. Ну а в моей душе надолго поселилось чувство глубокой обиды и отчужденности, которое только усиливалось с годами.

Помню удивленное и раздосадованное лицо отца, когда вместо выражения восторга и одобрения я попятился и убежал, увидев в тазу на полу окровавленную тушку зайца-

беляка, подстреленного отцом на охоте. Помню свое чувство злости и беспомощности, когда на рыбалке, сидя на бережке с удочкой, отец полдня с улыбкой наблюдал, как я пытаюсь вытащить из прибрежного песка тяжелый «Урал» с коляской, который я загнал туда по глупости.

На долгие годы моим самым близким другом стала мама. Она читала мне книги, мы любили гулять вдвоем, смеяться, мечтать и болтать всякие глупости. Отец же был грубым, несдержанным «вытиранием» и замкнутым, неразговорчивым трезвым. Иногда, когда мы бывали вдвоем на рыбалке, он за весь день обменивался со мной всего лишь несколькими фразами. Ситуация усугубилась ко времени моего окончания школы. Отцу было под шестьдесят, он постепенно спивался и стремительно превращался в развалину. Я начал позволять себе дерзить отцу и даже откровенно оскорблять. Однажды, доведенный мною до белого каления, отец взорвался: «Ты прекращай со мной так разговаривать! Я добрый, но могу быть и злым! Я вот этими вот руками... убивал!» Хорошо помню, как от этих слов холодок пробежал у меня по спине...

Все изменилось после его смерти. За несколько дней перед этим он, парализованный, попросил меня подвести его к окну. Отец энергично замычал, когда я попытался взять его иссохшее тело на руки, и протянул мне правую здоровую руку, казавшуюся неестественно большой и сильной. Сжав стальной хваткой мою ладонь, он перенес вес всего тела на здоровую руку и, привалившись ко мне, дал понять, чтобы я тащил его к окну, за которым бушевало лето. «Эх, сейчас бы на рыбалку...» – с трудом разобрал я слабый голос и с ужасом увидел, что отец плачет. Он дал мне знать, чтобы я нес его обратно в кровать и уходил. Вскоре его не стало...

А три недели спустя я, вчерашний выпускник московского вуза, а ныне – свежеспеченный гвардии лейтенант, командир взвода, проводя тактические занятия на полигоне под литовским городком Тяльшай, вдруг почувствовал такой приступ тоски, что, поручив сержанту продолжать занятия «Взвод в наступлении, пеший по-танковому», ушел в камыши и долго бродил там и выл в голос. Я вдруг ощутил мучительное одиночество, почувствовал, что теперь я наконец могу принимать решения самостоятельно, ни на кого не оглядываясь, и это меня страшило и угнетало.

Тогда я еще не знал, что ровно сорок лет назад, в июле 1944 года, в этих же самых литовских болотах мой отец, 25-летний гвардии лейтенант, командир взвода, был в очередной раз ранен. Но, как я теперь понимаю, именно с этого момента начался процесс медленного осознания того, что я – плоть от плоти отца своего, что я двигаюсь как он, у меня его характер, я люблю и не люблю те же вещи, что любил и не любил он, и вообще, я гляжу на мир его глазами. Постепенно впервые я начал ощущать потребность поговорить, посоветоваться и испытывал горькое сожаление от того, что все, поздно...

Долгие годы во мне зрело чувство вины перед отцом, ставшее в конце концов невыносимым, требовавшим от меня какого-то действия, искупления. С другой стороны, у меня появилось желание узнать больше о его жизни, о том, о чем он никогда со мной не говорил. Мне захотелось понять, почему он стал таким, каким я его знал. В результате появилась идея попытаться как бы прожить если не всю, то хотя бы какую-то часть его жизни рядом с ним, попытаться взглянуть на вещи и известные события его глазами. Задача нелегкая, учитывая, что со времени смерти отца прошло тридцать лет. В моем распоряжении были лишь детские воспоминания, обрывки подслушанных разговоров, старые фотографии. К счастью, ко всему этому теперь есть интернет. Немаловажно, что у меня теперь есть и свой жизненный опыт, который позволяет реконструировать какие-то события.

У меня не было намерения как-то представить отца в выигрышном свете. Все, чего я хотел, – лишь воздать должное своему отцу и его поколению. Хотя в Советском Союзе военно-патриотическая работа была, что называется, на высоте, мне кажется, простые

люди, участники великих событий, так и не получили того, чего они заслуживали. Да им это было не особенно и нужно. Так мне думается...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Война – плохая игрушка, сынок.

А. И. Ершов

В советское время каждый школьник знал, что Курская битва – это одно из ключевых сражений Великой Отечественной войны, в ходе которой противники применяли танки в масштабах, не виданных за всю историю войн ни до, ни после. Красная армия в ходе кровопролитных боев сумела «переломить хребет фашистскому зверю», и всему миру стало ясно, что победа будет за нами. Было написано много книг и снято много фильмов о Курской дуге. Ежегодно 5 июля, в годовщину начала сражения, в газетах и журналах печатались статьи и воспоминания. В школах в то время практиковались «уроки мужества» – встречи с ветеранами Великой Отечественной войны. Надо ли говорить, что каждый второй из выступавших перед школьниками представлялся участником Курской битвы – это звучало очень почетно.

Мой отец почему-то всегда отказывался от приглашений выступить перед моими одноклассниками. Когда я после очередного «урока мужества» с восторгом пересказывал ему услышанное от ветеранов, он только хмуро ухмылялся и в некорректных выражениях выражал сомнение, что выступавший действительно принимал участие в боях, которые описывал. Однажды я спросил отца: «А ты воевал на Курской дуге?» – «Да». – «А где именно?» – «Ну, в районе Обояни, Ольховатки, Васильевки, Прохоровки». – «Это там, где было знаменитое танковое сражение?» – «Да, примерно там». – «И ты „тигры“ видел?» – «Видел». – «Пап, приходи к нам в школу, расскажи! Все ребята мне завидовать будут, а?»

И опять отказ. Такая реакция отца была мне непонятна, и постепенно у меня возникло ощущение, что отцу просто нечего рассказывать: ну, был где-то рядом, в каких-нибудь вспомогательных войсках, в стороне от самых героических дел. «Ну что ж, – думал я, – ну не повезло мне – не у всех же отцы герои».

И только почти через тридцать лет после смерти отца мне стало ясно, насколько я ошибался. Ну что ж, лучше поздно, чем никогда...

Закопченный, пропахший угольной пылью паровоз-инвалид натужно, отдуваясь клубами черного дыма, тянул состав по безлюдным заснеженным приволжским степям, раскинувшимся под низким зимним небом. Гремели на стыках, обдавали холодом мерзлого железа платформы с техникой, укрытой рваным брезентом. Слабо курились трубами буржеек обшарпанные теплушки. Временами, словно задремав на ходу, паровоз с пронзительным скрежетом останавливался, и оглушительная тишина повисала вокруг. Через некоторое время, как бы передохнув и собравшись с силами, паровоз делал усилие, и, прогромыхав всеми своими суставами, эшелон трогался снова.

К концу января 1943 года бои в Сталинграде закончились, и 3 февраля был получен приказ: 21-я армия выводится в резерв Главного командования, всем грузиться в эшелоны и следовать в Елец. Измученные за три месяца почти непрерывных боев в морозных степях, изголодавшиеся, обносившиеся солдаты восприняли эту новость как долгожданный отдых. В первый же день пути, съев большую часть выданного на дорогу сухого пайка, они завалились отсыпаться на нары, устроенные в теплушках. Но уже вскоре, чуть лишь отдохнув, посвежавшие и отмывшиеся бойцы сгрудились у открытого дверного проема теплушки, выглядывая из вагонов. Обычно, одурев от безделья и следуя могучему влечению молодого мужского организма, требовавшего жизни и движения, солдаты при первой же возможности, невзирая на ругань командиров, выскакивали из вагонов в поисках какой-нибудь еды, повода перекинуться парой непристойных шуточек с женским полом, да и вообще, всяческих приключений. Особым шиком считалось вскочить в теплушку, когда состав уже тронулся и набрал ход, схва-

тившись за ремень или веревку, привязанную к прилаженной поперек дверного проема доске, подпрыгнуть, упереться ногами в платформу и, подтянувшись и перебирая руками, забраться по веревке внутрь. Очень рискованный трюк, но, как замечено очень давно и, к сожалению, не мной, молодые мужчины ощущают себя бессмертными и неуязвимыми.

На этот раз эшелон медленно тащился по местам, где совсем недавно прошли бои, через разрушенный и только что освобожденный Воронеж. Веселого вокруг было мало...

Отец, лишь месяц назад встретивший в Сталинграде свое двадцатичетырехлетие младший лейтенант, командир взвода противотанковых ружей (ПТР), как и все младшие офицеры на фронте – командиры взводов и рот, – располагался вместе со своими бойцами, устроившись поближе к буржуйке. Отсыпался, добивал сухой паек, лениво исполнял свои командирские обязанности: осаживал чересчур расхोдевшихся бойцов («эй, там, полегче на поворотах!»), нес караульную службу. На остановках спрыгивал на землю размять ноги, пройтись вдоль эшелона, проверить часовых, в тулупах с поднятым воротом, обняв винтовки, дремавших на открытых платформах с техникой.

В советском стрелковом полку начала 1943 года было совсем мало автомобилей, зато очень много лошадей: артиллерия, обозы – все было на конной тяге. Были верховые лошади и у многих офицеров, в том числе и у отца. При первой же возможности он навещал свою Звездочку, ехавшую этим же эшелоном в теплушке вместе с другими лошадьми. Пегая в яблоках кобыла, почуяв хозяина, всхрапывала, выдохнув облачко белого пара, и нетерпеливо переступала копытами. Отец запускал руку в карман белого, местами вымазанного в угольной пыли полушубка и, достав несколько кусочков сахара, полученного взамен положенной наркомовской нормы спирта (удивительно, но даже пройдя Сталинград, отец все еще не пил), протягивал ладонь Звездочке, уже вытянувшей шею из открытой двери теплушки. Кобыла, нервно кося большими умными глазами, тепло и влажно дыша, осторожно брала губами куски сахара. В такие мгновения изрядно уже очерстевшая душа молодого фронтовика размягчалась, в памяти оживали воспоминания...

Толстый серый заяц нахально сидел в огороде прямо посреди капустных рядов и, придерживая передними лапами, догрызал кочерыжку, от удовольствия шевеля ушами. Пятилетний Толька затаился, стоя коленями на свежеструганной лавке у открытого окна, и не дышал. Просторная крестьянская изба, срубленная отцом и дядьями – переселенцами из Вятской губернии («вятские – ребята хваткие, семеро одного не бояться»), – на пригорке над речкой в стороне от деревни была залита ласковым светом ранней осени. В доме никого не было, кроме деда и бабки. Отец – Иван Иванович, мать – Анастасия Петровна, старшие братья – все спозаранок были кто в поле, кто на дворе, кто в кузнице, кто на мельнице. Анастасия Петровна была второй женой Ивана Ивановича. Первая, подарив мужу шестерых детей, умерла родами. Иван Иванович горевал недолго и женился на молодой работнице – большому дому нужна была хозяйка. Анастасия Петровна тоже исправно рожала, выжили четыре мальчика: Михаил, Григорий, Федор и младший – Толька. Иван Иванович не баловал молодую жену лаской: за всю совместную жизнь Анастасия Петровна не слышала от мужа доброго слова. Хорошо хоть, почти не пил и руки не распускал. Было еще одно качество, отличавшее супруга: Иван Иванович, хотя и был мужиком работающим и хозяйственным, не был жаден до денег, о чем шла молва, и деревенские девчонки и мальчишки охотно шли в работники к рыжему Ивану. Вот кто был страшным скрягой, так это родной брат Ивана Ивановича – Михаил. Тот, не доверяя никому, все свои сбережения носил в широком поясе, который никогда не снимал. Как-то в конце лета Михаил возвращался из большого села Воскресенское, где по окончании крестьянской страды вовсю веселилась ярмарка, на которой, казалось, можно было купить все что угодно, хоть черта в ступе. Хорошо наторговав и крепко «обмыв» барыши, Михаил заснул по дороге назад и, упав с телеги, расшибся насмерть. Лошадь пришла домой одна, родные забеспокоились и начали поиски. Нашли его почему-то не сразу, и, так как стояла жара, когда обнаружили Михаила,

по его телу уже ползали черви. Забрать пояс, набитый бумажными деньгами и золотыми червонцами, родственники то ли побрезговали, то ли убоялись греха. Так и похоронили...

«Ах ты, собачье мясо, повадился! – вполголоса проворчал неслышно подошедший сзади дед. – Погоди, сейчас мы его... – он уже пристраивал на подоконнике старенькую тульскую двустволку. – Ну, давай, Толька, да смотри, курок не дергай...»

Так отец подстрелил своего первого зайца. К шестнадцати годам он стал уже настоящим охотником. Если было нужно, мог разбить о дерево голову зайцу-подранку, не испытывая особых переживаний.

Отец вырос на хуторе в многодетной семье крестьянина-единоличника (кулака, как выяснилось в 1934 году). Хотя его детские годы пришлись уже на начало двадцатых годов двадцатого века, память отца сохранила вполне патриархальные картинки крестьянского быта. Длинный обеденный стол со стоящим на нем большим закопченным чугуном горшком с парящей и источающей вкуснейший аромат кашей. Вся семья сидит за столом и с нетерпением ждет, пока дед, не спеша облизнув деревянную ложку, запустит ее в чугунок, в самую середину, туда, где плавает в золотистой лужице кусочек топленого масла. Только после этого остальные члены семьи, опять же по старшинству, могут приступать к еде. Маленькому Тольке доводилось иногда получать ложкой по лбу, пока он не научился, наконец, соблюдать установленный порядок. Или вот еще: рано опустившиеся позднесенние промозглые сумерки, детвора умостила на полатах под потолком, укрывшись тряпьем. В избе темно и тепло, в печи потрескивают дрова, отблеск огня выхватывает странные тени в углах. Дети с напряженным вниманием слушают лежащего на печи дедушку – неиссякаемый источник волшебных сказок и историй из жизни.

Отец с раннего детства сидел в седле. Совсем мальцом он объезжал поля, следя, чтобы ребяташки и мужички из соседних деревень не озорничали. Уже подростком стал помогать Ивану Ивановичу в кузнице в качестве молотобойца, где окреп и налился немалой физической силой, а в душе его зародилась тяга к металлу и вообще всяческим техническим приспособлениям.

Как-то раз Толька увидел, как из леса, что за их домом, на косогоре, выезжает телега, на которой громоздится окованный сундук, доверху засыпанный спелой дикой вишней. Деревенские жители никак не могли смириться с тем, что земли, на которых испокон веку жили их предки, выкупили пришлые из северной губернии. Большое семейство чужаков расселилось тремя хуторами вдоль мелкой, но резвой речушки, которая, укрывшись в ивняке, петляла между причудливыми холмами. Переселенцы построили кузницу, водяную мельницу и скотный двор, обустроили пасеку, посадили фруктовый сад, короче говоря, обосновались крепко и надолго. Особенно хорошо жил Михаил, чей хутор называли не иначе, как усадьба. Скота у Михаила было так много, что за его хутором образовалась даже так называемая «волчья яма», куда сбрасывали шкуры разделанных коров. Все это вызывало недобрые чувства у некоторых местных жителей. Не раз и не два Тольке приходилось спасаться бегством, удирая из деревни, куда он наведывался с балалайкой, чтобы покрасоваться перед девчонками.

Увидев воришек, Толька сильно ударил босыми пятками в бока лошади и поспешил на хутор. Узнав в чем дело, старшие братья побросали работу и вскочили на коней. Тут же решили устроить засаду у брода, в том месте, где глинистая колея круто спускается к реке по лугу, богато поросшему разнотравьем. Тут было самое удобное место, чтобы подкараулить и в кровь отлупить незваных гостей, отбивая охоту к чужому добру. С тех пор пройдет всего около десяти лет и деревенским представится возможность расквитаться с обидчиками. В стране будет объявлена кампания по раскулачиванию зажиточных крестьян. Все три хутора будут разорены, а их имущество передано в колхоз. Кого-то из семейства Ершовых отправят на спецпоселение, кто-то сочтет за благо уехать налегке подальше от этих мест. Ну а двоюродный брат отца, малограмотный тридцатилетний Илья, после раскулачивания устроившийся

было плотником в колхоз, против своей воли сделает своеобразную «политическую карьеру» и в конце концов удостоится чести быть расстрелянным на Бутовском полигоне в Москве за «контрреволюционную пропаганду среди заключенных».

Отдав все свое имущество в колхоз, Иван Иванович стал зарабатывать на жизнь, колеся по округе и строя водяные мельницы. С этого же времени он начинает крепко выпивать. Отец же, будучи шестнадцати лет от роду, покинул родные края и отправился работать плотником на строительство Магнитогорского металлургического комбината. Как теперь узнать, добровольно ли? Известно, что комбинат строился заключенными и так называемыми бойцами трудовых армий. Уже на стройке отец узнал, что Иван Иванович арестован и вместе с матерью и младшими сестрами сослан на спецпоселение. Все за ту же пресловутую «антисоветскую агитацию».

Тем не менее, отцу нравилось на стройке. Огромные массы людей, объединенные одной грандиозной целью, обилие разнообразной техники, бешеный ритм жизни, новые люди, новые знакомства – все это разительно отличалось от того, к чему отец привык с детства, возбуждало и рождало чувство сопричастности к жизни большой страны. Там же отец вступил в комсомол. Очень неприятно об этом думать, но вновь и вновь встает передо мною вопрос: а не пришлось ли при этом отцу публично отречься от своего родителя – кулака-миroeда? Во всяком случае, эта процедура практиковалась тогда достаточно широко. Да, было объявлено: сын за отца не отвечает. Но неявно подразумевалось: при условии, что сын публично осудит преступления отца. Ох, непростое это было время, и не нам судить.

В 1940 году отца призвали в Красную армию. Неудивительно, что ловкий и сильный деревенский парень, к тому же толковый и непьющий, быстро дослужился до старшины (наивысшее звание для солдата срочной службы) конной разведки в горно-стрелковой дивизии, дислоцированной в Закавказье, в Нахичевани. Отец был очень неплохим наездником, любил лошадей, и, видимо, поэтому командир полка доверял ему выезжать своего чистопородного жеребца. За что отец однажды и угодил на гауптвахту. Во время очередной выездки он решил «взять барьер». Жеребец споткнулся, оба упали, и конь разодрал себе кожу на лбу. Бесценному жеребцу наложили скобку, ну а отца разгневанный командир посадил на пять суток.

Там же, в Закавказье, отец и узнал о том, что началась война. Но сразу на фронт не попал. Сначала, в августе 1941, вместе с сослуживцами поучаствовал в походе Красной армии в Иран (и куда только судьба не забросит простого русского мужика). Иран запомнился отцу страшной жарой («спали, завернувшись в мокрые простыни») и пением муэдзинов с минаретов. В сентябре дивизию перебросили на юг Украины, под Полтаву. Уже через три дня после выгрузки из эшелона 207 стрелковый полк, в котором служил отец, вступил в бой, который с отрезвляющей жестокостью продемонстрировал всю разницу между довоенной пропагандой и настоящей войной – в течение суток полк лишился почти всех офицеров. Потянулись мучительные дни и месяцы отступления от Днепра до Дона. Отступали, но не бежали! Боевые приказы и журнал боевых действий 207 сп конца 1941 – первой половины 1942 года изобилуют записями: «приказываю атаковать и овладеть рубежом северная окраина села...», «ввиду превосходящих сил противника совершить марш и занять новый рубеж обороны южнее рощи...» и так далее и тому подобное. Так, с тяжелыми боями, отходили от деревни к роще, от рощи к высотке, теряя людей и вооружение. И окапывались, окапывались, окапывались. Иногда полку удавалось проводить успешные наступательные операции локального характера, и уже в марте 1942 года полк был представлен к награде. Ну а в перерывах между боями, в дни затишья (бывало, оказывается, и такое, даже в первые месяцы войны), бойцы и командиры не только занимались окопными работами, починкой обуви, стрижкой и помывкой личного состава, но и находили время и возможность «морально разложиться» с местным женским населением. Так в селе Шебекино, что под Белгородом, где полк в начале 1942 года задержался на некоторое время, товарищи командиры под гармошку катали на санях своих подруг, бабоньки беспрепятственно

проходили все посты, чтобы пронести угощения ухажерам прямо на передовые позиции. Наконец, дело дошло до разбирательства высокой дивизионной комиссией, по результатам которой были приняты суровые меры дисциплинарного характера – кому-то объявили выговор, кого-то посадили под домашний арест. Штрафные подразделения в Красной армии тогда еще не были учреждены, да и сами люди еще не успели очерстветь и ожесточиться от ужасов войны.

Командуя взводом конной разведки, отец не ходил в атаки и, видимо, поэтому, несмотря на тяжелую обстановку на фронте, в первый раз был серьезно ранен (то есть когда потребовалась госпитализация) только в ноябре 1942 года в боях под Клетской. Легкие ранения отец обычно перевязывал себе сам, оставаясь в строю, как и большинство его товарищей: «кости целы, мясо нарастет». Конечно, были и те, кто даже получив пустяковую царапину, голосили, звали санитаров и требовали эвакуацию с поля боя. По словам отца, таких не уважали.

После госпиталя отца направили на армейские курсы младших лейтенантов, командиров взводов противотанковых ружей – Красной армии нужно было срочно восполнять потерю кадровых офицеров. На курсах занимался с удовольствием и прилежанием. Прочно, на всю жизнь заучил он тактико-технические характеристики немецких танков, уставы и наставления. Десятилетия спустя отец без запинки называл мне толщину брони и расположение «мертвых зон» приборов наблюдения различных типов танков. Старательно постигал мелочи, которые быстрее помогли бы стать ему настоящим офицером: до конца ничего не доедать, чтобы солдаты не подумали, что голоден; в руках ничего больше чемодана не носить; прочие тому подобные нюансы, понятные только кадровым военным. Удивительно, что такие мысли приходили отцу в голову в те тяжелейшие дни! Что это – легкомысленность молодости? Твердая уверенность в том, что «враг будет разбит и победа будет за нами»? Окончив курс, получив «кубарь» в петлицы (младший лейтенант) и взвод ПТР под свою команду, в начале 1943 года отец вернулся в родной полк, который как раз выбивал фрицев с Мамаева кургана в Сталинграде. В общем, в феврале 1943 года отец был полным жизни и планов на будущее молодым, толковым и старательным офицером.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В теплушке обсуждали последние новости: в начале 1943 года снова ввели погоны, как в царской армии. Для поколения, воспитанного на фильмах и книгах о Гражданской войне и героических боях Красной армии против «золотопогонников», это было странно и непонятно.

Было и другое, заставляющее задуматься: отмена института комиссаров. К началу войны во всех подразделениях РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии), начиная с роты, существовали должности политических руководителей – политруков и комиссаров. Их задачей было «проводить линию партии», следить за настроениями в частях и докладывать вышестоящему партийному начальству. Будучи формально командирами, комиссары не имели серьезной военной подготовки, но по своему статусу были равны в правах с командирами подразделений и частей, что имело катастрофические последствия в начальный период войны. Зачастую комиссары игнорировали доводы строевых командиров и требовали, а иногда и принимали командование на себя, исполняя волю партии: «Только вперед!», «За Родину, за Сталина!», «Ни шагу назад!», что приводило к неоправданным потерям. К концу 1942 года это стало очевидно даже высшему военно-политическому руководству Советского Союза, что вылилось в решение упразднить институт комиссаров, который заменялся институтом заместителей командиров по политической части (который просуществовал до самого конца Советского Союза). Суть была в том, что, сохраняя за собой пропагандистско-осведомительские функции, замполиты отныне не имели право вмешиваться в деятельность строевых командиров; им запрещалось поднимать бойцов в атаку. Как говорилось в приказе, «для укрепления принципа единоначалия в армии».

Однажды на полустанке вдоль эшелона побежали посыльные, передавая приказ командира полка: всем подразделениям построиться возле вагонов для оглашения какого-то приказа. Как оказалось, на этот раз речь шла не об ужесточении наказания за халатность, паникерство или трусость; командование не информировало личный состав о чрезвычайном происшествии, произошедшем где-то у соседей. На этот раз повод был очень даже приятный. Командир полка перед строем зачитал приказ о присвоении их армии и дивизии звания гвардейских за подвиги, совершенные в боях под Сталинградом. Теперь их армия именовалась «6-я гвардейская», дивизия – «51-я гвардейская», ну а их полк назывался уже не 207-м стрелковым, а 156-м гвардейским стрелковым полком. Вручение гвардейского знамени и прочие формальности откладывались до прибытия на место назначения, а пока командир от всей души благодарил личный состав за службу. Был отдан приказ всем офицерам привести обмундирование в порядок (легко сказать!), надеть правительственные награды (а у кого они есть-то?) и собраться в штабном вагоне. Ну а солдатам и младшим командирам – выдать по двойной «наркомовской» норме.

В битком набитом штабном вагоне командир еще раз поздравил офицеров и предложил наполнить кружки. Первый тост выпили не чокаясь, помолчали, вспомнили каждый свое. Некоторых офицеров полка отец знал еще с довоенного времени, со срочной службы. Но многих уже не было... Постепенно, под воздействием алкоголя, людей отпускало, лица покраснелись, языки развязались. Офицеры стали выпрашивать, что теперь изменится в их жизни и службе. Замполит рассказал, что денежное довольствие теперь повышается, ко всем званиям добавляется приставка «гвардии», а также полагается гвардейский нагрудный знак. Командир добавил, что полк усилят автоматчиками, артиллерией и бронебойщиками. Но и требовать с него будут вдвойне, а он – с каждого из здесь присутствующих и все три шкуры спустит, если потребуется. За то и выпили...

Так, ни шатко ни валко, подолгу простаивая на полустанках – эшелон не литерный, армия выведена в резерв, – тащились от Сталинграда до Ельца (около 800 км) почти месяц, при-

быв к месту назначения в начале марта. Посреди ночи состав дернулся и затих. В теплушке, в которой ехал отец, повисла тишина, оглашаемая лишь переливами здорового мужского храпа. Свернувшись калачиком, спал у потухшей буржуйки дежурный боец. Дверь теплушки с грохотом отъехала в сторону, впуслав клубы морозного пара, и веселый голос с улицы крикнул: «Эй, бронебойщики, кончай ночевать! Выходи строиться, приехали!» Никто из спящих на нарах не пошевелился, только чей-то жалобный голос попросил: «Затвори воротину, падла! Холодно же!» Отец всхрапнул во сне и натянул на ухо прожженную шинелишку. Довольно долго было тихо, затем в проеме двери показалась чья-то голова и голосом командира полка поинтересовалась: «А тебе что, Ершов, как обычно, особое приглашение нужно? Я могу выписать. Суток на десять устроит?» Судя по интонации, это было далеко не первое приглашение, которое он обещал «выписать», обходя эшелон. Отец подпрыгнул, как ужаленный, оставив клок волос, примерзших за ночь к стенке теплушки. «Взвод, подъем!» – просипел он непослушными со сна губами и зашарил вокруг себя руками, ища ремень с портупеей. Соскочив на ледяные доски пола, слегка забросанные сеном, запрыгал на одной ноге, натягивая сапог. «Подъем, была команда! – заорал отец, уже окончательно проснувшись. – Выходи строиться с оружием и вещами! Кому тяжело вставать, я могу помочь! Будете у меня по морозу с голой задницей скакать!» Бойцы, позевывая, завозились на нарах. За спиной у отца кто-то из пожилых сокрушенно проворчал: «И шо это за жизнь с нашим лейтенантом? Тильки лягешь – пиднимайсь! Тильки встанешь – пидривняйсь!» Бойцы засмеялись, без должного почтения поглядывая на молодого командира. Отец сделал вид, что не расслышал.

Построились, пересчитались – и вперед шагом марш по заснеженной дороге, подгоняемые свистом пурги, среди сугробов, под высоким звездным небом. Куда, зачем – солдату не докладывают. Отец, хотя и был офицером, но на своей должности «Ваньки-взводного» видел не намного дальше солдатского сапога. Понемногу, гарцуя на застоявшейся Звездочке вдоль колонны, выяснил – приказ идти на Курск. Причем со строжайшим соблюдением светомаскировки: только по ночам, ни курить, ни костры разводить не разрешается. К рассвету все – техника, обозы, лошади и личный состав – должны быть укрыты по лесам. Приучил-таки за два года войны немецкий Фриц русского Ивана к кое-какому порядку! Да вот только какие здесь леса? Так, лесополосы. Ночи хотя в начале марта еще и достаточно длинные, но пока найдешь подходящее место для дневки, пока угнездись – пару законных часов сна долой. Да и то сказать, какой сон на снегу? Кто смог – тот поспал, кто не смог – спи на ходу!

Кстати, привычка ночевать под открытым небом осталась у отца на всю жизнь. Сколько себя помню, ни разу не брали мы на рыбалку палатку. И ведь нельзя сказать, чтобы мучились! Отец умел как-то все устроить – лапника подстелить или соломы, костер сладить, чтобы до утра грел, завернуться в брезент, примоститься на надувной лодке – словом, летом или осенью, в ведро или в дождь, в поле или в лесу мы спали в тепле и с комфортом. Что оставалось неизменным – это топор под головой у отца...

Пешие марши для пехоты – дело привычное. Так, «наматывая» на сапоги километр за километром, в одну из ночей прошагали через заваленные битым кирпичом и перегороденные изуродованной и обгоревшей техникой улицы Курска. Примерно через три недели после начала марша, уже в конце марта, прямо посреди ровного, как стол, заснеженного поля – приказ: «Стой! Окапываться!» Тоже дело понятное – любое передвижение войск вблизи переднего края заканчивается этой командой. Достали малые саперные лопатки, начали ковырять в мерзлой земле индивидуальные укрытия. Окопались, забились по щелям, по норам. Немца не видать. Подвезли на санях шанцевый инструмент – большие саперные лопаты, кирки, топоры, пилы, приехали начальники с большими звездами на погонах и с картами в руках, осмотрелись вокруг, дали указания. Стало понятно, что полк становится в оборону, причем надолго, и на ближайшее время бойцы и командиры полка превращаются в артель землекопов и плотников. По всем признакам выходило, что на их участке начальство очень опасалось

немецких танков: рыли противотанковые рвы, минировали местность, строили блиндажи в три наката, за траншеями пехоты потели, зарывая свои пушчонки в землю, артиллеристы. Ну что ж, копать – не воевать. Тем более в тылу, когда до немца, по слухам, километров пятнадцать, обед «по расписанию», ночевать можно в землянках, а не в чистом поле. Что еще нужно солдату?

В конце весны в изрядно поредевший в Сталинградских боях полк стало поступать пополнение из молоденьких деревенских ребят, мобилизованных в недавно освобожденных деревнях Курской области. Глядя на парнишек, неуклюже обмундированных в новую форму с погонами, отец снисходительно посмеивался: «Товарищ политручок, докладывает Ванюшка-приписничок. Разрешите отлучиться к матушке под бочок?»

Очень много мороки было с пополнением из Средней Азии, едва владевшим русским языком: «Солдат, кем работал до войны?» – «Ледщиком, товарищ лейтенант». – «Как летчиком?! Что ты болтаешь! Ты же по-русски еле говоришь!» – «Э, зачем болтаешь? Ледщиком работал! На ишаке лед в магазин возил!»

По мере того как земляные работы продвигались к своему завершению, уже ближе к лету, в полку началась плановая боевая подготовка – дело, не виданное отцом в армии с начала войны. Он со своим взводом совершал марш-броски, ходил на стрельбище, проводил занятия по тактике. И снова отец обратил внимание, что упор делается на противотанковую подготовку. Ну ладно им-то, бронебойщикам, сам Бог велел изучать тактико-технические характеристики новейших немецких танков – тяжелых «тигров» и средних «пантер», которых еще никто в глаза не видывал. Но и с обычной пехотой проводили занятия по преодолению танкобоязни: наши «тридцатьчетверки» «обкатывали» бойцов, сидящих в окопах, солдаты много и упорно тренировались бросать противотанковые гранаты. Пехотинцам рассказывали о существовании у танков «мертвых зон», не просматривавшихся экипажами через приборы наблюдения, объясняли, что чем ближе ты к танку, тем безопаснее. Судя по всему, «дело» ожидалось нешуточное.

Так, в почти мирных хлопотах, пролетел июнь 1943 года. Позиции, где окопались бойцы 156-го гвардейского стрелкового полка, находились километрах в двух южнее села Лучки, выбеленные и крытые соломой хаты которого протянулись вдоль небольшой возвышенности. Слева, за балкой, с севера на юг протянулась железнодорожная насыпь. Где-то справа, за полями, была деревня Яковлево, от которой на юг, в сторону Белгорода, уходила грейдерная дорога. Впереди, до самого горизонта, колыхались под теплым летним ветром заросшие несжатой рожью и разнотравьем колхозные поля, здесь и там изрезанные глубокими балками, заболоченными понизу и заросшими по краям кустарником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.